Рисунки автора

Посвящается памяти
моего друга Георгия Новикова

Если бы не дым, мечущийся в разные стороны и рвущийся в высоте на множество черно-серых туч и комьев, можно было бы подумать, что ветра нет. Но именно ветер жадно и истерично хватал черные клубы с моря, как будто желая скорее рассмотреть привычную поверхность воды без обломков корабля и мертвых тел моряков. Неистовыми бросками ветер гнал дым, как черное непослушное стадо, в сторону человека, которого хотел раздавить этим стадом из пепла сгоревших тел и снарядов. Этим человеком был капитан английского судна, который стоял почти неподвижно и смотрел на уходящий под воду вражеский корабль. Уголки его губ были слегка опущены вниз и плотно сжаты, взгляд не выражал ликования победы, а был суров и сосредоточен. На вид капитану было лет пятьдесят, но вся его мощная фигура дышала силой и мужеством.

Голоса его матросов стихали и трескались в стальном от низкой температуры воздухе, все внутри превратилось в лед — боевой корабль флота Его Величества был тоже разбит, как и его противник, во льдах северного моря среди льдин и айсбергов. Он не ощущал ни звона плавившегося металла, ни всхлипов моряков, ни взрывов пушек. Паника его не касалась, он не искал свободной шлюпки, он был капитаном уходящего на дно военного корабля. Он не искал спасения, он сохранял свое достоинство: он покинет свой пост последним. Убедившись, что вражеский корабль уже затонул, он спустился в трюм, закрыл на ключ шкаф, набитый золотыми слитками, дрожащими от холода руками записал свои координаты, закупорил их в бутылку и положил ее во внутренний карман мундира.

Поднявшись на палубу, капитан на секунду зажмурился, все вокруг было ослепительно белым. Мгновение. Капитану показалось, что он уже в

[1] Публикуется в авторской редакции.

раю, его взор устремился в бесконечность, в ослепительно яркое небо. Казалось, что оно переливается сразу всеми цветами и кидается ими одновременно, от того получается единый тон.

Небо не щадит молящегося, карает в отчаянии бранящегося на него. Его видишь лишь когда ожидаешь своей гибели, но оно не отвращает неизбежное, а только оттягивает его приход.

Порывистый ветер, несогласный ни с чем, раздраженный на солнце, которое веками по собственной воле не грело, а просто горело желто-

белым кругом над этим морем. У капитана было чувство, что солнце повелевает, не дает кораблю полностью уйти в темноту, пока он в изумлении смотрит на него, — его лучи ощущались как осколки империи. Капитан стоял на корме корабля, ожидая встречи с создателем столь яркого неба, и знал: чтобы подняться на небеса, придется опуститься на дно.

Стало темно.

На этом сон оборвался. Мартин Айсберг понял, что проснулся в совершенно чужой кровати. Это было ясно по тому, что запах его супруги отсутствовал, зато от простыней шел свежий аромат. Из окна слышался крик чаек, легкий ветерок пробегал по его лицу. Он открыл глаза: над ним маячила женская фигура. На шее у нее блестел золотой кулон, и при солнечном свете лучи от него слепили ему глаза. Мартин в первые секунды даже не хотел признаться себе, что это уже не сон, а действительность. Мозг включался постепенно — с утра всегда так, но он уже понимает, что находится не в своей постели, что он здесь не по своей воле. Под окном гремит река, и если он все еще в городе, значит, его похититель живет над Темзой. Тот светлый силуэт женщины, которая безмолвствует... Вероятнее всего, она и есть его похитительница.

Мозг заработал: опять смятение, столь же мощное, как среди моряков, покидающих тонущий корабль. Мартин так стремительно поднялся с кровати, что незнакомка отскочила в сторону. От резкого движения в глазах потемнело: лишь пуль-

сирующие красные пятна танцевали перед ним. От такой пляски силы начали покидать его: голова запрокинулась, ноги стали ватными, в носу появился железный запах крови. На мгновение показалось, что он вот-вот потеряет сознание. Паника охватила его: если он сейчас упадет, то не сможет овладеть ситуацией. Мистер Айсберг был не из тех, кто считал себя лидером, скорее, он был бесхребетным, но то, что он вдруг оказался в незнакомом месте, пускай не устрашающем, заставило его вызвать в себе столь редкое для него качество — контроль над ситуацией. Он пошатнулся, но устоял, и только тогда помещение постепенно стало приобретать более четкие очертания: на полу лежала его мокрая одежда вместе с таким же, как обои, ярким голубым женским бельем, стояла кровать работницы архива Национальной галереи. Беки, всегда элегантно одетая и ухоженная, подтянутая, чему способствовали регулярные занятия йогой, с идеальным макияжем, при правильном освещении выглядела на сорок. Мартин узнал ее по огромным зеленым серьгам, белым волосам, ярко-оранжевым ногтям и приторному запаху от ее волос. Ее звали Беки, фамилии ее он не помнил.

— Доброе утро, Мартин, с тобой все в порядке, ты всегда такой чудной утром?

— Привет, доброе утро... Беки, — ответил он.

Наступила тяжелая пауза. К ней нечасто заходили мужчины, а тем более оставались у нее, но наутро реакция была одна и та же — шок и досада. Всегда приходилось видеть напуганные лица ее ночных гостей, но полученное удовольствие стоило того. Недавно теплым летним вечером, когда цветы посылали сигналы, заставлявшие почувствовать отсутствие закона всемирного тяготения, а учебный год завершался, она приютила молодого студента-физика. Утром он метался по комнате, судорожно собирая свои вещи, в его красных глазах плавал алкоголь, лицо было пунцового цвета от жесткой подушки и стыда: он быстро испарился из этой комнаты и затерялся в городской толпе.

Именно такое выражение на морщинистом лице было сейчас у Мартина Айсберга. Беки же сидела перед телевизором и чистила мандарины. Если бы он помнил хотя бы начало вчерашней ночи или их встречу, сбежал бы сразу, любопытство заставило его остаться, задать пару вопросов и сложить все пазлы в одну картинку.

— Который сейчас час?

— Девять.

— Не хочу тебя обидеть, но я смутно помню, что было с нами.

— Ты предложил проводить меня до дома и был любезен, мой капитан, — сказала она и подмигнула.

Ответ озадачил мистера Айсберга: появились новые вопросы, задавать их было неприлично. В голове проносились картинки и образы, они были либо из юности, либо из фантазий. События вчерашней ночи так и не прорисовывались. Все-таки странно: неужели это и есть начало старости с частичной, а потенциально и полной потерей памяти? Одно было ясно: вчера вечером он был с семьей и ложился в постель со своей женой, одетый в бледно-желтую пижаму с фиолетовыми полосками, а она — в ночную рубашку, как судебная мантия, а проснулся в безобразной голубой комнате, хозяйка которой обладала оранжевыми ногтями. В жизни не изменял жене! Хорошо еще, что сегодня воскресенье, а по воскресеньям он едет из дома на станцию Грин-парк, где вдоль забора выставляет свои произведения и копии работ более известных художников. И так уже более двадцати лет, поэтому жена не забеспокоится и не заподозрит мужа в измене. Его художества пользовались малым спросом, несмотря на огромный поток людей, богатых и не очень, неразборчивых и просто туристов, циркулирующих вокруг. Золотой жилой, его досугом и практически основным средством заработка были старики. Ему пришлось подстраиваться под их вкус, точнее, его отсутствие — рисовать цветы с фруктами, гончих собак на охоте и лошадей, убегающих за горизонт. Он так долго общался с людьми, от которых веяло свежей землей и лекарствами, что мысленно был готов уйти за горизонт.

Своих покупателей он винил в утрате художественного вкуса, если он у них когда-то был. А способности к копированию у него, несомненно, были, но он их растерял.

Глубоко теплилось его первоклассное чутье на кисть и амплитуды мазка других художников, но для славной копии в стиле другого мастера требовалось значительно больше времени, а за неделю копий, доведенных до ума, не сотворить. Качество подражания падает, если приходится хозяйничать по дому вместе с супругой, не говоря о работе учителем рисования в школе, а также служителем в Национальной галерее. Поэтому времени оставалось еще меньше: куча ненужных бумаг и суровый быт медленно тащили его на дно Темзы.

Старики любили покупать изображения коней, ласточек и цветов, пытаясь вспомнить свою молодость, которую они потеряли, а вспоминали о ней, увидев себя в зеркале в образе морщинистого шарпея. Молодость для стариков — это святое, потому и покупают они этот хлам — не для себя, а для своих родных, в основном для внуков. Некоторые приходили один раз — видимо, после

приобретения картины денег хватало только на самое сокровенное: место на кладбище. Иные тлели дома, не в силах уже подняться. Его картины не имели успеха, но Мартина это не волновало.

— А где мы встретились? Я этого правда не помню.

— В баре около Национальной галереи. Я просто поздоровалась.

— А что я?

На секунду Мартин испугался: может, он проследил за ней до дома, ворвался и накинулся на ее, а теперь остаток дней она будет шантажировать его? И придется ухаживать за ней и спать в мокрой одежде, пока он не выкинет ее в окно, выходящее на реку.

— Ты был хорош, ты так умеешь ухаживать.

— Припоминаю, да, я старался, — соврал он.

Он не хотел ее обидеть, поэтому лгал: если это правда, то нужно узнать как можно больше о себе, особенно в таком выгодном свете.

— Ты угостил меня портвейном и предложил довести до дома, помнишь?

— Это я помню! — вскрикнул Мартин, подыгрывая.

— Я долго смеялась, когда ты попросил называть тебя другим именем... — Беки посмотрела на потолок, дальше ее взгляд скользнул по окну и когда добежал до реки, она вспомнила имя. — Генри. Ты настаивал, я была согласна. Лил сильный дождь, а ты пообещал, что не дашь мне промокнуть.

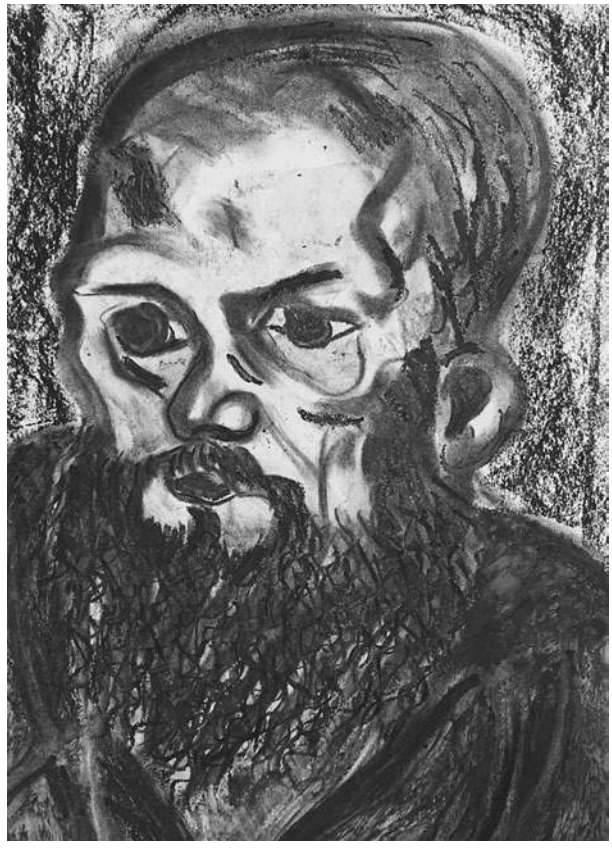
— Да, это я так шутил, просто я женатый человек, и имя Генри мне нужно для конспирации, — еще раз соврал он.

— Не думал сменить имя? Генри идет больше, чем Мартин.

— Спасибо, я подумаю. Наверное, я пойду, не хочу тебе надоедать.

После упоминания о проливном дожде он снова вспомнил свой сон. Видимо, холод, который он тогда ощущал, исходил от промокшей одежды. Его ответы нравились этой едва знакомой женщине, хотя его вранье и не выглядело убедительным. Она не разбиралась в людях, иначе у нее была бы семья, а не студенты да уличные художники. И, кстати, неудивительно, что она одна. Он всю ночь провел с ней, ради нее изменил жене, а она даже не пожелала раздеть его — от такого приема можно и заболеть.

Все эти ночные прогулки под дождем — всего было много для школьного учителя по рисованию. План действий созрел сам собой: быть спокойным и дружелюбным, вспомнить сон и прийти домой примерно в то же время, как обычно. Времени до



возвращения домой было достаточно, а вот детали сна испарялись из памяти.

Дальше пошли всякие галантные фразы с обеих сторон: «Да оставайся сколько хочешь». — «Да мне неудобно, дела. Ладно, останусь на чашку чая». — «А хочешь поесть?» — «Нет, мне неудобно, спасибо. Можно, я помою посуду?» Каждая фраза начиналась или заканчивалась словами «мне неудобно», что походило большей частью на дешевую театральную сцену с налетом комичности. В ходе нелепого диалога он узнал еще пару интересных вещей.

Мартин наконец вышел на улицу, ступил в лужу и ясно увидел отражение шарпея, порожденного рябью на воде. Вчера действительно шел сильный дождь. Вчера погода полностью совпадала с календарем: одежда казалась отсыревшей, а лужи — внушительными. Сегодня все по-другому: роза ветров принесла в Лондон тропический бриз с Карибских островов, в воздухе витала латинская музыка с пляжа, слышался шум волн, накатывавших на белоснежный песок.

Главная мысль не покидала его: как это с ним произошло? Какой позор!

Пока Мартин шел по улице, к горлу все сильнее подкатывал стыд, сжимая его, и приходилось дышать глубже и чаще.

— Как теперь будешь смотреть в глаза жене? — произнес он звонко, но прохожие не обернулись — повезло.

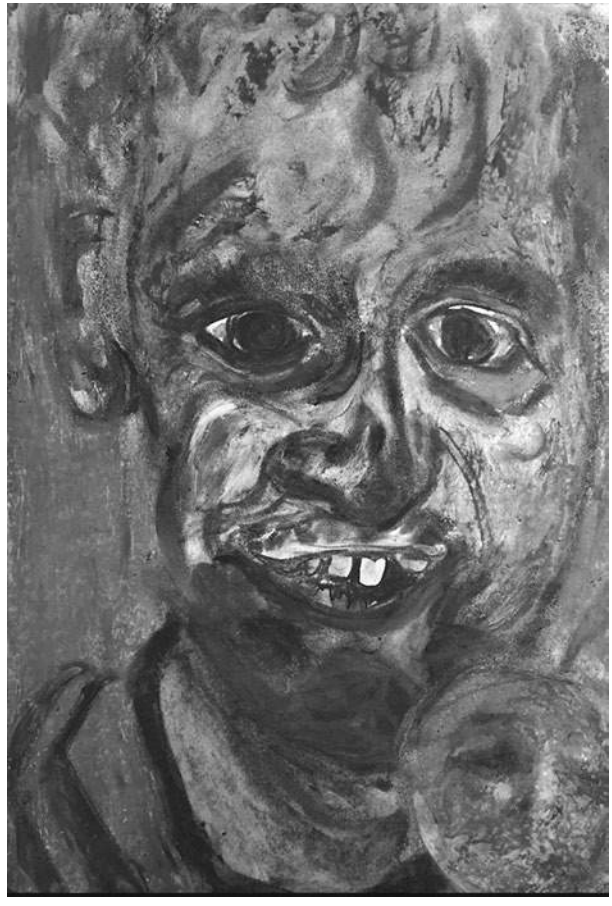
— Как? — прошептал он. — Нет, не может быть. Она врет: какой я Генри, да я в жизни не вышел бы из дома ночью, да и зачем, что мне там делать?

Может, жена не догадается? Хотя она всегда знает, когда я говорю даже полуправду. Стоит ли рассказать супруге о своей неверности или попытаться скрыть это? Возможно, стоит обратиться за советом к другу, которого нет? Человек с отклонением психики, который сидит в пабе около его дома, в счет не идет. Как-то раз, а может, пару раз, Мартин заходил в этот паб отметить свой успех — почтенный пожилой астматик купил у мистера Айсберга сразу две картины. Почувствовать себя частью этого заведения было трудно — общение не было коньком Мартина. К тому же его одежда была в пятнах краски, как и ногти, которые больше подошли бы любителю спать в коробке на станции «Виктория». Когда он уселся, на него обратилось множество взглядов, сзади раздавалось быстрое и сладкое дыхание вперемешку со слюнями, Мартин обернулся и наткнулся на лицо с широкой улыбкой, открывавшей кривые зубы, откуда шел аромат конфет. Этого тучного человека звали Рон. Вместо того чтобы представиться, он сообщил, что живет в соседнем доме и знает распорядок каждого дня Мартина.

Рон действительно знал всех соседей по имени, знал, когда у кого день рождения, когда они встают, куда идут на работу, и вообще странно, что человека с таким даром обошли стороной все спецслужбы мира. Без сомнений, нужный кадр, опуская тот факт, что его рот не закрывался подобно сломанной двери. Неизвестно, где такой человек мог бы работать, так как сбор информации о маршрутах соседей и их личной жизни должен отнимать много сил и времени. Но все было проще: Рон получал пособие, так как у него были явные отклонения в психике. Мартин позабыл название этого недуга. На самом деле это была неописуемая страсть к собиранию сплетен, переходящая в фанатизм. Лицо его было подобно доброй крысиной морде, а круги под глазами делали его умильнее панды, будто его заколдовал плохо обученный маг. Он был похож на щенка, бегающего за собственным хвостом, милого и наивно озорного, так что ему можно было простить многое, кроме, пожалуй, тех редких случаев, когда он мочился под стол в бутылку, так как не любил походы по туалетам и не имел права пропустить прохожих, идущих мимо окон паба.

Пока Мартин допивал свой стакан, он узнал, кто из присутствующих женат, кто развелся из-за измены или по иным причинам. Главным образом он поразился тому, как много Рон знает о его жизни. Откуда тот знал, как расписаны его дни, имена дочки и жены, не говоря уже о его собственном, ведь им никогда не приходилось раньше видеться? Но у Рона была такая миссия: знать как можно подробнее все о своих соседях, а паб находился на углу, прямо напротив метро. Подобно дикой кошке, Рон выбрал место, которое позволяло следить за передвижениями жертв как внутри паба, так и за его пределами, однако сам он при своих внушительных размерах не бросался в глаза. Чтобы быть всегда начеку, он не пил: заказывал лишь яблочный сок со льдом в стакане из-под виски, дабы не выделяться среди остальных.

Рон знал, что Мартин Айсберг выставляет свои картинки в Грин-парке. Ему так хотелось узнать, на что живет его сосед, что он подметил даже возраст его покупателей и переоделся подобающе, чтобы подойти поближе и внимательно рассмотреть картины. Рон сказал, что в галереях никогда не был и принципиально не желает туда ходить, ровно в той



же жесткой форме, в какой рекомендует посетителям паба сесть подальше от него для лучшего обзора. Но в Мартине он увидел талант и рассчитывал, что тот сядет к нему поближе, чтобы подружиться. Рон болтал не переставая и не моргая смотрел на своего друга глазами ребенка. На такого, мягко говоря, особенного человека обижаться было неприлично, тем более что это больше походило на чудачество, и в знак дружбы Мартин подарил ему скромных размеров картину с корабликом, от которой тот чуть не расплакался, но на этом их дружба не закончилась: теперь всякий раз, когда Мартин возвращался с работы или нес картины вечером в воскресенье, Рон махал ему руками из окна своего логова, выбегал и провожал до дома. Учителю рисования было лестно слышать похвалу хотя бы и от преданного безумца, но все-таки выглядело это некрасиво, поэтому он начал всячески избегать встреч со «следопытом». Казалось, что Рон просто без ума от него и готов подчиниться любому его приказу, исполнить любой каприз и рассказать самую сокровенную тайну, если бы она у него была. Такую «преданность» копиист оценить не мог — строгое воспитание не позволяло.

Мартин был человеком совсем другого склада: он был тих и закрыт, словно необитаемый остров. Теперь он выходил на одну станцию раньше своей, чтобы обходными путями дойти до дома, который не попадал в поле зрения Рона. Единственным днем, когда он встречался со своим «другом», было воскресенье, так как он волочил тяжелые картины, а станция метро была у паба, и он хотел поскорее избавиться от ноши. В этот день его провожал Рон. За всю недолгую дорогу он пытался выложить накопившиеся за неделю слухи, свои догадки о развитии событий, свои методы разоблачения соседей, которые брезгуют убирать за своими собаками, и выражал бесконечное восхищение талантом виртуоза — божественного соседа, Мартина.

Спрашивать совета у человека, который интересуется личной жизнью всех окружающих, но только не своей, было бы глупо, но если он сам не решит, как выкрутиться из сложившейся ситуации, — конечно, можно будет спросить у Рона, полагаясь на его знание соседских секретов. С другой стороны, он взрослый мужчина и должен сам отвечать за свои поступки, а не советоваться с городским сумасшедшим.

Вопрос об измене встал перед Мартином впервые: пойти и все рассказать либо врать до конца, даже если всплывут факты.

Утро плавно перетекало в день, но времени для возвращения домой было еще предостаточно, поэтому мистер Айсберг решил пройтись пешком. Позавтракав у своей неожиданной любовницы, он зашагал, правда, ботинок, недавно измеривший глубину лужи, намок, и каждый шаг сопровождался курьезным звуком и дискомфортом, поэтому пришлось перейти на шаг раненного в бою солдата. Эта прогулка давала возможность как следует поразмыслить: откуда взялся такой сон, куда подевался рассудок и как быть?

Итак, провал в памяти на столь долгий срок произошел впервые за его почти полувековую жизнь. Вообще-то, он не мог похвастаться, что запоминал каждый момент своей размеренной жизни, он просто не считал важным запоминать что-либо, кроме маршрута и цвета кистей других художников для копирования. Если Мартин забывал список, когда шел в магазин за покупками, можно было теряться в догадках о содержимом пакетов, зато он вспомнит свое детство у бабушки и в итоге купит хлеба и меда на весь недельный бюджет. Ровно так же можно было запутаться во времени его возвращения домой, ведь он мог встретить семью уток, которую кормил бы хлебом, сидя на лавочке вплоть до наступления темноты. С этой невинной забывчивостью он сталкивался постоянно. Одно время пытался безуспешно бороться с этим недугом: внимательно выслушивал наставления жены, записывал, но все было тщетно. Стоило птице пролететь над головой — и все мысли о предстоящих покупках улетали вместе с ней, а блокноты вечно забывались на полках с йогуртами, где нужно было читать состав жирности каждого из них. Такая точность была нужна жене. Она не хотела поправляться и, обновляя свой гардероб, покупать каждый раз на размер больше.

Эта невнимательность была всего лишь следствием равнодушия к быту и большой любви к природе.

Была даже вероятность, что муж, посланный за покупками, не вернется с задания, если на пути встретит дуб.

Этот дуб не очень-то любил нынешнюю загазованность Лондона, так как происходил из Средневековья и привык стоять в лесу, а не на кладбище, как теперь. Для этого дуба сегодняшний мир двигался быстрее, чем огонь инквизиции находил своих ведьм. Пребывая в расцвете сил, он мог ужиться с нынешней властью людей, но понять их цели ему было трудно. Он был пышен и строен, словно король, за долгие годы он научился распределять свои ветки так, чтобы свет попадал на все листья. Мартина привлекали уверенность и сила этого дерева, особенно когда он наблюдал,

как дуб борется с вихрем, пытаясь оседлать его и превратиться в парус, распуская ветви ветром.

Забыть, как прошла ночь, было немыслимо. Это же не мгновение, которое заставляет мозг на время остановиться и посидеть в комнате для отдыха, это как минимум общение с людьми и яркие эмоции вроде секса, только если это не розыгрыш. Мартин сомневался, что розыгрыш этот — проделка его друзей, ведь они не встречались ни разу после его женитьбы. Рон тоже не мог это сделать, учитывая его столь необъятную любовь к нему, сколь необъятен был тот дуб. Существуя на одно пособие, вряд ли можно заказать похищение человека и доставку к женщине с извращенным вкусом. Жена — она вообще скупа на воображение: повторяет действия домработниц с телеэкрана, словно попугай коронные фразы своего хозяина. Возможно, это и была жена, но если он все еще не получил пощечину, значит, это какая-то мистика.

Алкоголь или любые другие средства, чтобы забыться, он не принимал — он не пил с тех пор, как упал пьяным с велосипеда и разбил голову. Грузовик, мчавшийся по встречной полосе, проехал над ним, не нанеся ни царапинки, повезло. Он это везение оценил и решил с тех пор больше не испытывать судьбу. Стал чуть сильнее верить в Бога. Шрам на голове, походивший на пулевое отверстие, служил вечным напоминанием о том, что он завязал со спиртным, а за завтраком у Беки он узнал, что накануне пил портвейн и, после двадцати лет воздержания, даже не шатался, чему поверил с неохотой. Описание вчерашнего вечера никак нельзя было назвать правдоподобным. Однако в своей измене он не сомневался, даже проснувшись одетым. Глаза той женщины выражали удовлетворение.

Своей благоверной Мартин никогда не изменял. Во-первых, он сутулился: за годы совместной жизни его позвоночник приобрел форму вопросительного знака, извиваясь все сильнее всякий раз, когда жена ставила под вопрос его карьеру и достоинство, семейная жизнь сделала его внешность малопривлекательной, конечно, с определенного ракурса и на необходимом расстоянии на его лице можно было увидеть черты истинного лорда, но жалкий способ существования стер с него былое обаяние. Во-вторых, речь шла о душе, чье местоположение нельзя было отыскать, этот мир находился на другой плоскости. Для мистера Айсберга он представлялся безлюдным островом, островом, к чьим берегам прибивает куски расколовшихся льдин. Подплывая к этим берегам, они начинают таять, ведь под этим с виду безжизненным островком бурлит горячий источник. Иными словами, Мартин был нелюдим, поэтому ему приходилось переступать через себя при общении, в школе и на скромных уличных воскресных выставках.

Свою жену Мартин никогда не любил. Он стал жить с ней из-за того, что она забеременела; он не мог бросить ее, он не мог не жениться. Жизнь с ней переросла в привычку. В результате их встречи с Венди появилась дочка. В его сердце было место только для копирования чужих полотен и для дочки Сары.

Со своей женой Мартин познакомился еще в Университете изобразительных искусств. Их знакомство произошло благодаря совпадениям. В то время он готовился к своей последней выставке. Выставка была посвящена небу: Мартин собирался продемонстрировать свой протест к церкви и Богу, помочившись на нарисованные им облака. Венди тоже занималась богохульством — и это было все, что их объединяло. У Мартина была мечта — стать известным художником, а у нее — певицей. Она готовилась к своему первому концерту в местном пабе. Музыкантам понравилось место, где должен был дебютировать Мартин, и они попросили воспользоваться помещением для своего выступ-

ления. Художник согласился принять музыкантов, так как помещение для выставки было чрезмерно большим. На выставке Венди всячески заигрывала с ним, выбирала самые абсурдные предлоги, только бы побыть с ним наедине, говорила без умолку. В университете она то звала к себе на чай, то погулять, но вызывала у Мартина только раздражение.

Говорила, что ее покойный дедушка владел табачной компанией Bricks, где изготавливались элитные сигары. Зачем ему все это знать? К тому же эти монологи не давали сосредоточиться. Сам Мартин — потомственный аристократ: он происходил из весьма древнего, но обедневшего рода лордов. Воспитание позволяло ему вежливо избавляться от внимания назойливой мухи, используя все имеющиеся у него мягкие отказы в виде намеков. Вежливые отказы никак не воспринимались Венди Брикс: она думала, что у объекта ее внимания действительно нет времени или он заболел. Все это нельзя было назвать любовью, впрочем, такая женщина, как Венди, не способна любить, эти эмоции для нее недоступны, ведь она уверена, что ее окружают глупцы. Она мечтала, чтобы он ходил рядом с ней подобно собаке. В ее мире право быть повелителем душ предоставлялось только ей. Соответственно в ее мире Богу не было места: для нее он тоже был глупцом. Уверенная в своей исключительности, она пожелала заполучить Мартина любым способом. Все остальные мужчины смотрели на нее как на лягушку и не стеснялись комментировать ее внешность, советовали сразу скакать дальше. Одежду она носила яркую, как у пожарников или полицейских, чтобы все сворачивали себе шеи. Такая одежда давала возможность заметить ее издалека и скрыться в туалете. Мартин был единственный, кто не прогонял открыто, поэтому так ей понравился. В глазах окружающих выставка имела неповторимый успех и сулила богатство либо через неделю, либо через месяц. В тот день они сильно напились. Точнее, Венди проследила, чтобы Мартин напился до беспамятства. Момент настал — и лягушка проглотила свою жертву. Она переливалась всеми цветами радуги от счастья, что наконец притащила добычу к себе домой. Там она выключила свет. Утром она отпустила его погулять. Выставка оставила лишь желтое пятно. Отчаянию не было предела, надежды были разрушены, подобно песочному замку, смытому приливом. Еще большим ударом стала беременность Венди — теперь он принадлежал ей. Депрессия наваливалась на его голову с каждым приходящим рассветом и растворялась в глубоком запое. Когда родилась Сара, Мартин стал верить в Бога — он подарил ангела. С того этапа в их совместной жизни произошло несколько событий: Мартин подверг свою голову хирургической операции, упав с велосипеда, когда пытался в очередной раз избавиться от семейного гнета, и просто чудом сохранил свою жизнь. Семья Венди предоставила им скромное ежемесячное пособие. Проводив своих родителей на кладбище, Мартин узнал из завещания о крохотном викторианском доме в районе Челси. Там теперь они и живут. Остальное было продано за долги.

Венди приняла решение пойти по стопам своей бабушки — стать мясником. С тех пор она работала на мясной фабрике, где делала сосиски из свинины. Чтобы сделать фирменные сосиски, надо кидать убитую свинью на конвейер вместе с грязью, копытами и содержимым желудка. Когда сосисок не хватало, можно было перемешать фарш вместе с фирменным ингредиентом — туалетной бумагой. С тех пор свинину никто в семье не ел. Дочка являлась единственным фактором, который все еще делал Барни прикованным к ней. Рождение ангела заставило их пожениться.

Мартин опять подумал о содеянном.

Может, это знак, что столь долгое воздержание даст о себе знать рано или поздно, причем в тотальном формате вроде удаления памяти? Означает ли это, что глубоко в его подсознании живет мужчина, который интересуется женщинами, а он нравится им, но куда эти отклонения могут привести?

На самом деле мистеру Айсбергу стало страшно: где вероятность, что это не случится еще раз? Сегодня это была измена, и, кажется, все сошло ему с рук. Завтра он может подвергнуть свою жизнь опасности, попав под машину, или, что еще хуже, стать опасным для общества. Что если все желания, которые дремлют на дне колодца его разума, захотят всплыть именно таким способом, в отсутствие его самого?

Его шаг замедлился, на какой-то момент ему стало все равно — просто хотелось идти вдоль маленьких улочек. Это продолжалось до тех пор, пока он не очутился на Трафальгарской площади, возле места его второй работы — Национальной галереи. Туристические места раздражали его больше всего: люди вечно фотографировали то себя, то друг друга. Эту площадь он проходил, как дитя — комнату страха. Это место славилось скоплением голубей, которые садились ему на плечо или на голову, когда он шел на работу. У них были мерзкие, тоненькие лапки, которые вцеплялись ему в одежду и волосы. Сильнее всего пуга-

ло его вот что: а что если содержимое голубиного желудка упадет прямо на него? Это будет позор.

Но благородных птиц он боготворил и кормил. Особенные чувства питал к лебедям. Лебеди выбирали себе спутника на всю жизнь. Когда один из них умирал, его партнер больше ни с кем не заводил знакомств. Это единственный вид птиц, которые умеют так преданно любить? А может, все намного проще, как в его случае: поженились — и все, воспитание не позволяет покинуть семью. Жди смерти.

Пройдя сквозь толпу и попав вновь на безлюдную улочку, он почти обрел душевное спокойствие, как вдруг проявилась его новая фобия — строительные леса. Если с голубями еще можно было как-то жить, то строительные леса заставляли его молиться всякий раз, когда он проходил сквозь них. Теперь можно смело молить Всевышнего о том, чтобы балка нечаянно не упала и не прошла сквозь его макушку и не вышла бы из пупка. Непредсказуемость и риск — вот самое страшное, что могло бы с ним случиться.

Вскоре он добрался до района Чесли. Теперь надо было аккуратно пройти мимо места, где сидит Рон, сумасшедший. Он, конечно, мог, как всегда, быть в своем любимом пабе, но необязательно. Каждый раз, перед тем как повернуть, он подобно шпиону смотрел за угол: нет ли там назойливого психа?

Уже почти стемнело, небо скрылось за черными тучами, как это случалось обычно в Лондоне. Вот-вот пойдет дождь. Айсберг осознал, что стоит на улице совсем один, вокруг ни души. Возникло странное ощущение, будто беда сейчас накроет его с головой. Было такое чувство, будто идешь осознанно в ловушку, но все еще не веришь в это. Казалось, кто-то из-за кустов с соседнего участка наблюдает за ним. Он решил перейти дорогу и убедиться, что он один. Действительно один.

Может, это Рон следит за ним? Он постоял, подождал: может, все-таки кто-то выйдет из-за машины или из-за кустов? Никого не было, но поднимался ветер, он дул все сильнее. На него обрушилась какофония звуков. По этой улице он ходил долгие годы, знал, как дойти до дома в полной темноте, если отключат освещение, но сейчас ему стало страшно. В такую жуткую погоду, да еще под аккомпанемент завывающего ветра на него может напасть бездомный или бандит, выхватить сумку из рук или ударить, а он даже не услышит приближения его шагов.

Он шел максимально быстро, но промокший ботинок не давала ему бежать, он был близок к панике. Начался ливень, который хлестал вместе с ветром прямо ему по лицу. Это освежило голову копииста и придало ему новых сил — надо было добежать до дома. Вот показался огонек его скромного убежища, как говорила его жена, сарая. В последнюю минуту все вдруг стихло и возникло чувство невесомости, будто и не шел он никуда. Ноги его не слушались, тела он не ощущал. Он перевел взгляд от тела вверх и стал смотреть на самого себя как бы со стороны. Изображение постоянно дрожало, так как человек прихрамывал, а само сознание Мартина можно было описать как аквариум с рыбкой: хозяин несет его из одной комнаты в другую, а рыбка никак не реагирует — плавает себе, и все тут. Он видел, как человек зашел в бар, залпом выпил три пинты пива и захромал к мосту Челси. Потом встал посередине моста, как бы приветствуя город, и стоял, слегка покачиваясь от ветра и, видимо, от ударившего в голову алкоголя. Тучи стали расходиться, и Мартин почувствовал, что силы возвращаются и он вновь обретает власть над своим телом. Как только дождь закончился, зрачки Айсберга вернулись на свои орбиты. Как только стыковка души с телом произошла, его тут же стошнило на проплывавший в небе корабль-ресторан.

Отдышавшись, он поплелся домой в задумчивости, пытаясь объяснить подобное явление самому себе. Говорят, так, со стороны, на себя смотрят люди, оказавшиеся на грани жизни и смерти. Но Мартин всего лишь попал под сильный дождь и чувствовал себя здоровым. Он ощупал себя, убедившись, что это не сон. Даже ущипнул себя, так как не знал, как еще доказать себе, что он все еще жив. Именно так делали люди из фильмов, когда просыпались после кошмара, или получившие миллион.

Подойдя к дому, он убедился, что за ним никто не гнался. Просто глупость: кому он нужен? Кто собирается его выслеживать? А думать про сон и странный вид на себя сверху было страшно. Жаль, что он не пошел учиться на доктора или полицейского — вмиг разгадал бы загадку. В доме была тишина. По скрипучей лестнице он поднялся на чердак, где была его студия. Там переоделся, почистил зубы, чтобы не пахло спиртным. Стратегия поведения была ясна: не говорить, что пил, — не хочется больше слышать шутки про пьянство, не говорить и про измену, просто молчать, вручить ключи и пальто вешалке. Он переложил свои работы, которые должен был сегодня взять с собой, и немного потрепал их, на верхнюю картину даже брызнул водой. Это алиби в том случае, если Венди заподозрит его в необычном настроении и захочет удостовериться в откровенности своего мужа.

Единственное, что она делала, — садилась рядом с ним на чердаке и читала книжки, но пока ни из одной вывода так и не сделала. Ее духовное развитие оставалось на одном и том же уровне, который не менялся с рождения. С детства она была завистливой, поэтому легко надевала маску дружелюбного человека. Скорее всего, в прошлой жизни она была жабой, которая сидит в пруду и поквакивает, пока не поймает мотылька или бабочку. Расчет и самолюбование были у нее на первом месте. Чувства выжег из нее каленым железом сам Бог. Она обожала слушать о планах мужа, а потом рассказывать их своим подругам, предварительно поменяв все задом наперед, так, чтобы от любой идеи не оставалось ни грамма здравого смысла. Потом она собирала гостей в дом, где все они дружно разоблачали планы мистера Айсберга. Например, однажды он поделился с ней желанием застеклить балкон, чтобы не слышать шум с улицы и не нюхать газы проезжающих мимо автомобилей, но пересказала она это так, будто теперь на балконе он будет хранить свои краски, закрывая вид на кипящую за стенами дома жизнь. В общем, муж сошел с ума и хочет отгородить семью от цивилизации и стать затворником.

Оставаться в одиночестве ей быстро надоедало, поэтому пока дочка училась, ее мать развлекала себя как могла, так как работала три раза в неделю. Прочтя очередной бестселлер, она повторяла всем вокруг: «Если вы хотите узнать мое мнение, оно очевидно: написано бездарно. Все плохо, от начала до конца», — делилась она со своими подругами, которые во всем с ней соглашались. Она шла на презентацию книги, где можно было задать вопросы и получить автограф на обложке. Дожидалась своей очереди и проговаривала подготовленный монолог, придираясь к каждой главе. Сначала она громко восклицала имя автора, чтобы все заметили ее, говорила пару ласковых слов вроде «мы рады видеть вас здесь, это так волнительно». И начинала публичное унижение автора. Она говорила громко, звонко, с улыбкой на лице. Чем менее значительным казался автор, тем выше поднималась ее самооценка. Окончив свою речь, она говорила, что больше не может находиться под одной крышей с таким бездарем, и уходила с серьезным лицом, уверенная в своей правоте. Конечно, вся эта несправедливая критика служила ей для самоутверждения за счет других, но она говорила и некую правду. Это была сверхправда в виде оскорбления, слегка выдуманная, но после этого многие писатели начинали усерднее работать над собой. У кого-то получался очередной бестселлер, конечно, после того как цвет его лица переставал быть красным от стыда. Но Венди не чувствовала, что автор стал писать лучше, так как читала всегда строки, но никак не между ними — там для нее была пустота. Поэтому покупала она книги только ныне живущих авторов, ведь выражать свое недовольство мертвым было бесполезно. Если человек умирал, умирало и его дело. В бессмертие души она не верила, считая это вздором. Бога, соответственно, для нее тоже никогда не существовало. Для нее любая вера была дорогой в добровольное рабство, а не к духовным высотам. Никаких духовных высот не существовало: есть земля и есть гравитация, по земле ходим, никто не взлетает и не падает.

Мартин спустился вниз. Там стояла его жена Венди Брикс. Она раскинула руки и воскликнула: «О, мой муженек пришел!» Она явно была рада его увидеть, видимо, долгое время была одна. На любой предмет у нее всегда имелось свое мнение. Конечно, те темы, где она не чувствовала опоры, где могла пропасть, словно путник в зыбучих песках, она старалась обходить. Например, научные темы вроде законов физики, истории и биологии. Ее интересовали вещи, которые можно было легко подвергнуть сомнению и пошатнуть, не имея

при этом должного образования. В ее список входили все виды искусства, это была огромная площадка для ее вечных недовольств — в этих дебрях она чувствовала себя уютно. Достаточно было сделать пару замечаний насчет неточности в передаче эмоций в театре, неправильной формы лица или цвета в живописи — этого было достаточно для нее и ее верных подруг, чтобы вынести вердикт: бездарность!

В ее лексиконе пошлость отсутствовала, но только не в ее глазах. Там пошлость заполнила все пространство.

Семья села за стол — тут действительно Венди не было равных, готовила она отчаянно, полностью отдаваясь делу. Было бы лучше для всех, если бы ее уверенность в собственной правоте распространялась только в пределах кухни, но регулярные лестные комплименты заставили ее поверить в себя. Сегодня она подавала пиццу по-деревенски. К приготовлению этого блюда она подошла со всей серьезностью. Даже поход на рынок не отменял ее правила — выходить в самом дорогом, что было. Нанесение толстого слоя макияжа и примерка платья занимали два часа. Она не изменяла только двум вещам: красной помаде, отчего рот становился похож на окровавленный бублик, и духам, запах которых напоминал китайскую плюшевую игрушку. На рынке она всех знала, ходила гордо и важно, ведь там обитали все ее подруги. У них тоже было свое особенное видение мира. Венди лучше всего чувствовала себя здесь: колоритные разговоры, сдобренные перцем, запах размороженной рыбы — все это кружило ей голову. Ей давали лучший товар по самой низкой цене. Во-первых, потому что никто не мог торговаться лучше нее, особенно если дело касалось овощей. Во-вторых, подруга или фермер, который покажется ей жадным, услышит живой концерт в его честь. Под подозрение мог попасть каждый. На рынке она купила свежие греческие оливки и прочие ингредиенты для пиццы.

Оставались какие-то мгновения до того, как блюдо будет готово, а суета на кухне зашкаливала: отец с дочкой бегали вокруг стола, будто друг за другом, сервируя стол. Потом с нетерпением трогали ножи и вилки, хотя это было строго запрещено. Из кухни доносился запах печеного сыра, теста и итальянских трав. У этого запаха даже цвет какой-то особый был — в виде итальянского флага. Затем Венди кричала громко: «Кушать подано!» — и заносила блюдо. Сначала она поставила пиццу, и несколько мгновений все смотрели на нее и охали: «Ах, какая пицца!» Пицца была хороша: румяна и кругла, как ее создатель. Кусочки ее тесно слиплись друг с другом, сыр все еще бурлил пузырьками раскаленной лавы и тоже был покрыт легкой темной коркой, но стоило дотронуться до него — и начинка красно-желтого цвета томно разъезжалась по тарелке. Пар от пиццы выходил со скоростью пробудившегося вулкана и пропадал только под трехметровым потолком. Выбирать кусок не приходилось: все куски были привлекательны и подтянуты, как солдаты на параде. Сначала чувствовалась сладость — ведь в середину пиццы Венди положила каплю карамели, — затем язык ощущал муку и свежесть хлеба из печи. Потом губа цепляла салями, перцы и помидоры. После этого в рот выплескивался сыр, обволакивая зубы и язык, и вспыхивало пламя духовки — жгло так, что приходилось дуть с набитым едой ртом. Прослезившись и выдохнув, все посмотрели с облегчением вверх. Затем взгляд падал на оставшуюся пиццу — каждому хотелось заполучить еще кусок. Это был даже не животный инстинкт, скорее, желание прикоснуться к высокому. Соль заменяли греческие оливки. Сыр тянулся от тарелки до рта паутинкой. Нос вдыхал запах редких трав Италии. От добавленных в конце помидоров все еще пахло грядкой. Запах был настолько мощным, что щипало в носу. Мартин тогда даже проверил, не находится ли его нос близко к раскаленному треугольнику. Держать его тоже было удобно — кусок держал форму, не загибался, не разваливался, но и не был похож на пластик — просто идеальный формат. Тесто было приготовлено по рецепту Джейми Оливера — она даже купила его книгу, сказав, что очень любит его шоу, но зубы ему все-таки стоит поставить новые. Венди не спешила есть: она смотрела на довольные лица своих родных, а те могли только кивать и мычать от блаженства. Потом она постоянно переспрашивала: вкусно ли, хорошо ли, хватает ли всего? Все кивали в ответ. Она прекрасно знала, как готовить и что класть, и спрашивала не от того, что волнуется, а ради лишнего комплимента. Потом она начинала обращать на себя внимание чрезмерной заботой. Это выражалось в виде приступа суеты: она ставила новые тарелки и стаканы, хотя этого всего было достаточно.

Поужинав, все спокойно разошлись. Мартин пошел наверх. После такого подарка в виде трех кусков пиццы последнее, что хотелось делать, — это расстроить жену. Сразу после ужина мистеру Айсбергу стало совестно: вот она сидит, улыбается и выглядит счастливой, пока его сердце разрывается. Сердце, как огромная пицца, разрезанная на тысячи кусков, билось острыми краями о горло: его мучила совесть. Все-таки лучше оставить

все как есть, откровенничать не хотелось. И так все разговоры с Венди, на какую бы тему они ни заводили беседу, плавно переходили конкретно на его личность. Наедине с ним она вела себя прилично и иногда даже уважительно, но стоило хоть одному человеку появиться рядом, пусть даже незнакомому, тон разговора резко менялся. Например, если разговор шел про резкие перепады погоды, кто-то сравнивал ее с котировками на бирже, начинали искать другие сравнения до тех пор, пока Венди не добавляла мужа, скачущего, как блоха, вверх-вниз, пока носит свои ненужные копии к себе на чердак. Ее близкие знакомые уже не смеялись — смеялись только новые: они не понимали, что остается только жалеть Мартина и молчать. Никто не решался лезть в их личную жизнь, которая выставлялась напоказ, как и его копии. Однако все, кто приходил в их дом, чувствовали себя зрителями древнего Колизея: хлеба и зрелищ!

Поэтому даже не хотелось думать, как быстро его откровенность станет доступна в кругу знакомых. Кто-то бы начал разговор про скандал, связанный с певицей, другой — про пение птиц, потом про полет мыслей, готовку яичницы, про лебедей, которые живут всю жизнь вместе... И тут Венди напомнила бы всем досадную историю про похождения мужа и расплакалась. Потом все на него смотрели бы с ужасом: вот это монстр! Чего сидишь? Иди извиняйся, ползай. А если он упомянет про провал в памяти или выпитый алкоголь, это превратится в анекдот с бесконечным сроком давности. И друзей ее он тоже не уважал, так как они не уважали себя, а были, как и он, в подчиненных. Больше всего было неприятно, когда эти знакомые поднимались на чердак и им приходилось показывать молча свои работы. Осмотр выставки на чердаке начинался с замечаний про резкий запах красок и про пятна на полу. Она говорила про его безответственность, ведь она хотела продать этот фамильный дом родителей. Пока гости толпились возле его копий, все молчали, кроме жены, вещавшей про извращения стариков, которые покупают эту дрянь. Гости охали — они довольно быстро соглашались с мнением жены мистера Айсберга, поскольку своего не имели. Легко навязать мнение, если говорить уверенно. Затем гости собирались уходить, и обычно в этот момент какая-нибудь дама из жалости говорила между делом: «А мне нравится вон та, с корабликом». Или могли сказать: «Миленько».

Мартин решил нарисовать копию картины Эдварда Мунка «Крик» и начал разбирать бумаги и картины в поисках большой фотографии, которую он напечатал в школе, испугав тем самым маленького мальчика и доведя его до застывших желтых слез на щечках. Фотография оказалась в толстой стопке картин, которые должны были сегодня выставляться в парке. Ему пришлось снять несколько сверху. Обнаружив фото, он вернулся к первым полотнам, они привлекли его куда больше. Это были три картины — свою руку он узнал сразу. На одной из них был изображен остров в море. Он был весь в черно-зеленых пятнах — видимо, мха, поросшего на бездушной скале. Мартина поразило то, что небо было точно такое же, как в том сне: сияющее, яркое и в то же время смертельно холодное. «Никак не могу вспомнить, какого художника я копировал, не могу сообразить, кого он напоминает. Никогда таких вещей не делал и даже не собирался», — размышлял Мартин. Посмотрев на вторую картину, мистер Айсберг не мог вспомнить две вещи: когда он это рисовал и какого художника пытался изобразить. На картине был тоже морской пейзаж в холодных тонах, и торчал огромных размеров айсберг. На вершине айсберга стоял деревянный крест — плавающая могила. И точно такое же блистательно чистое леденящее небо из сна. Последняя копия, видимо, была не доделана. Можно было разглядеть ту же морскую тему. На заднем плане виднелось все то же небо из сна. Он внимательно рассматривал каждую из этих картин — он точно приложил к ним руку, — но совершенно забыл, когда мог это сделать. Он начал копаться в своих бумагах и картинах художников, которые недавно копировал. Смущение перерастало в отчаяние со скоростью парового локомотива. Темп был задан, колеса начали медленно крутиться, а Мартин листал одну стопку за другой. Тот поезд, набравший скорость, уже было не остановить, пока он яростно разбрасывал картины художников по полу. Он не мог поверить в реальность происходящего, им овладело паническое желание найти те копии во что бы то ни стало, вспомнить, как он рисовал их. Если он не сможет вспомнить, значит, серьезно болен, значит, уже в таком возрасте он теряет память, бессознательно вытворяет такое, за что не может ответить. В четыре утра сдался: он действительно не помнит, как прошла ночь, как он потерял контроль над своим телом и поплелся на середину моста, ровно так же нельзя было найти какие-то наброски к тем рисункам.

Мартину срочно нужна была медицинская помощь.

Утром его разбудили — кто-то из соседей сверлил стену. Потом он понял, что это Венди решила поиграть на скрипке, так как и в этом считала себя

одаренной. Прекрасный будильник, проспать такое нельзя, звуки были невыносимы. У нее любой музыкальный инструмент превращался в орудие пытки.

За завтраком сияла только Венди. Сара была хмурой и не издавала ни единого звука, она походила на привидение. Она вообще была замкнутой, не здоровалась, полностью погружаясь в себя. Все ели обезжиренные йогурты. Тут на стол упал кусок штукатурки. Это означало начало бесконечного разговора.

— Ненавижу этот дом, этот сарай, не заметишь, как сложится, как картонка, — выговаривала она мужу.

— Ну, надо только покрасить потолок.

— Вот ты и крась, ты же у нас известный маляр, сделай так, как было, покрась. А хочешь сделать лучше, так продай уже, наконец.

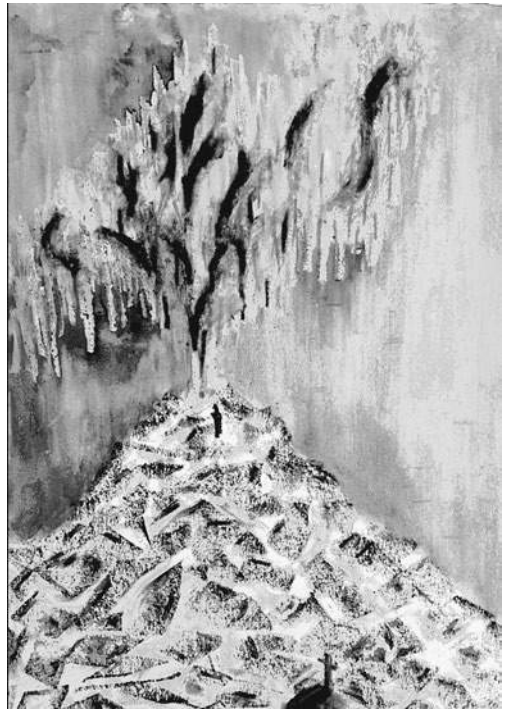
— Я не думал, что мы вернемся к этому разговору. Ладно, я все исправлю, — пообещал он.

— Уж который год одно и то же слышу — заело, что ли, чего ты в этот дом вцепился? Ну, достался он нам от родителей, но былые поместья все равно не вернуть. Сам говорил, этот дом держали как сарай, вот и я называю его сараем. Не обижайся только, — прибавила она, увидев его расстроенное лицо.

— Не могу, семейная память, тем более тут удобно. Близко до всего.

— А вот мне неудобно. Неудобно, что все, к чему бы я ни прикоснулась, начинает скрипеть, а окна, ты даже их менять не хочешь, эгоист.

Не хотелось ей открывать правду, ведь действительно, все, что можно было потрогать, в ее руках и под ногами начинало скрипеть, хотя и дом тоже был достаточно стар. Его даже можно было бы назвать опрятным, если бы не вечная пыль на коврах и вентиляционных решетках.



На работе было все как обычно: дети кричат, бегают по коридорам, на уроках пахнет сладким детским потом. Кстати, довольно противный запах: от него тяжело избавиться, но легко принюхаться. Дети любили уроки рисования — ведь это был почти целый час отдыха. Конечно, надо было рисовать, что-то творить, но записывать учитель не заставлял. Насчет оценок тоже никто не пере-

живал — Мартин не давал повода, всегда ставил зачеты. Дети, конечно, озорничали: они сразу почувствовали, что с ним можно позволять себе немного больше обычного. По их мнению, учитель мог быть строгим, оттого боялись его разозлить — не хотели увидеть серьезное выражение лица мистера Айсберга.

После обеда шел урок, на сегодня последний, как вдруг пошел дождь. Появилось ощущение, что кто-то стоит у него за спиной, как вчера. Мистер Айсберг не подавал виду, что боится, и продолжал спокойным голосом объяснять следующую тему. Дождь за окном постепенно набирал силу. Он осторожно оглянулся, но кроме написанной новой темы про Матисса там никого не оказалось. Мартин закончил диктовать домашнее задание и вскочил к себе на плечи. Он оказался как бы за стеклом. Смотрел на свое тело и детей. У учеников изменилось выражение лиц, им всем стало немного не по себе. По кому-то было видно, что он боится, на лицах других застыло удивление. Сначала тело стояло спокойно, затем начало свой медленный шаг вдоль класса. Из-за подвернутой ноги зрелище казалось жутковатым. Тело будто напряглось, и шаг стал тяжелым. Так оно покружилось вокруг класса: руки его касались голов мальчиков и девочек со светлыми волосами и поглаживали их. Затем он басом спросил:

— Дети, кто я?

— Вы наш учитель, — ответил класс.

— Нет, как меня зовут, ребята? — Тело издало глухой бас, отчего все предметы в комнате задрожали, но голос этот, как ни странно, было приятно слушать.

— Мистер Айсберг? — догадались дети, бросая удивленные взгляды друг над друга, перешептываясь и посмеиваясь.

Затем тело дало рукой команду продолжать работать, а само пошло вокруг класса. Подошло к календарю и долго его рассматривало. Голос пробормотал что-то неразборчивое, что-то вроде «Как же долго я спал». И еще раз повторил слово «спал». Затем опять молчание: слышались тяжелое дыхание и даже мычание. Руки медленно взялись за голову, и тело село. Наблюдать это все со стороны было страшно, нельзя было и слова сказать. Голова Мартина начала работать: он думал, что умирает, но потом остановился на мысли: это и есть сумасшествие. Теперь стало еще страшнее: нужно было как-то выйти из этого состояния, получить вновь контроль над своим телом, но нельзя было издавать ни единого звука.

— Вдруг этот, который во мне, узнает обо мне и начнет беситься?

Мартин испугался за свою жизнь, но раз тело не умирало, а просто ходило, возможно, это говорило о том, что он сошел с ума. Вдруг он набросится на кого-нибудь из детей и причинит ему вред? То есть не я, нет не я, а он. Мартин не чувствовал ни ног, ни рук — только глаза подчинялись ему.

— Ты, маленький мой, подойди сюда, — сказал он басом мальчику со светлыми волосами с первой парты и опустился на колени. Мальчик подошел. Мартину стало страшно за него: «Он точно маньяк, точнее, я, не я».

— Проводи меня в уборную, совсем забыл, где она, — сказал голос, и рука, взлохматив волосы мальчика, взяла его за руку.

Потом прибавил: «Мне будет нужна твоя помощь, видишь, я ногу подвернул, а ты смышленый и сильный».

Я никогда бы не позволил себе лохматить головы детям, еще и за руку брать. Он явно маньяк, бедный малыш, тут должен быть кто-то из персонала, должен задать мне вопросы. Этот дьявол не смог бы и пары слов сказать, он явно ничего не знает обо мне.

Тело мистера Айсберга шло за ручку с мальчиком по длинному коридору.

— Так меня и правда зовут мистером Айсбергом? Вот так совпадение.

Мальчик утвердительно кивнул.

— Какое у меня полное имя? — спросил глухой голос.

— Ваше имя Мартин, Мартин Айсберг.

На плечах у самого себя Мартин метался и кричал в отчаянии: «Уходи, уходи, Генри, беги отсюда, кто-нибудь, помогите!» Но ни мальчик, ни он сам не слышали этих криков — лишь тело приподняло плечи и покрутило у себя в ухе пальцем свободной руки.

— Вот это да, почти как мое, а тебя как зовут?

— Генри Бул. Вы что, не помните, мистер Айсберг? — звонко и немного обиженно спросил Генри.

— Я же тут учителем работаю, картинки рисую, хотел отвлечься ненадолго, проверить, как кого зовут. А не подскажешь, какое сегодня число?

— 6 октября, — в недоумении ответил мальчик и пальцем указал на дверь туалета.

— Этого достаточно, на сегодня твой урок закончен, беги.

Мальчик побежал назад, а Мартин выдохнул — вроде бы не насильник, хотя это школа, полагаю, любой маньяк не стал бы здесь ничего делать.

Тело зашло в темную комнату туалета. Оно стояло в темноте, затем включился свет, и голова завертелась. Посмотрев в зеркало, Мартин заметил, что черты его лица изменились: глаза стали похожи на

орлиные, проступили скулы, брови были опущены вниз, спина выпрямилась, плечи расправились, хруст костей отдавался по всей уборной громким эхом. Хоть лицо и стало более суровым, выглядело куда моложе и привлекательнее. Мартину показалось, что он стал похож на какого-то актера — на лице появилась уверенность. Наверное, именно такие лица нравятся избирателям. Мартин видел себя в отражении: он сидел у себя на плечах, но сквозь себя мог видеть дверь. Он внимательно осмотрел себя: казалось, он сделан из прозрачного пластика или из стекла. Голова и свисающие ноги были отчетливо видны, остальное было сложно разглядеть. Бывшая голова оглядела саму себя, глаза посмотрели вверх, и взгляды обоих встретились.

— Ну, привет, родной, — сказала голова мистера Айсберга.

Мартин сидел у самого себя на плечах и от шока не мог вымолвить ни слова. Он посмотрел на свои стеклянные глаза, потом на свою голову. И решил ничего не говорить.

— Хотел бы представиться, я мистер Айсберг, — сказала голова. — За собой ты следишь плохо, все тело дряблое. Сколько тебе лет-то?

Мартин решил попробовать что-то сказать, он и так кричал на весь коридор, но никто его не слышал.

— Это я Айсберг, а ты кто-то другой.

— Уверяю тебя, друг мой, меня тоже зовут мистер Айсберг: кого ни спроси, все знают меня, — спокойно ответил голос.

До этого Мартин сам с собой не разговаривал и боялся, как бы его не услышали из-за тонкой двери.

— Уходи, уходи немедленно отсюда, — прошипел Мартин.

— Ты мне уже говорил, на весь коридор кричал, аж уши заложило, мерзкий у тебя голос. Хоть семья есть, — сказала голова, постучав по зеркалу супружеским кольцом, — не самый ты пропащий человек.

— Это из-за тебя у меня такие провалы в памяти, из-за тебя у меня теперь не будет покоя, уходи немедленно! — прикрикнул Мартин на собеседника как на непослушного ученика, так как не знал, на что способен он сам, точнее, тот, кто в нем засел.

— Ох, как же так? Откуда такой холодный прием? Несмотря на фамилию, Айсберги всегда отличались радушным приемом, весь Лондон знал об их гостеприимстве: балы, ужины.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил Мартин. — Что я тебе сделал?

— Ты ничего никогда не делал, а вот я проблемный малый, мне очень совестно за содеянное. Я здесь не случайно, а по важному делу, но сначала хочу, чтобы ты мне показал Лондон. Рассказал, что происходит в мире. Хочу стать частью общества.

— Зачем? — промолвил Мартин.

— Это мне нужно для дела, возможно, ты мне как-то пригодишься, но вряд ли тут будет уместен учитель рисования.

— Я тебе ничего не покажу, уходи, уходи немедленно. Это мое тело, я должен в нем находиться, — повторил Мартин несколько раз.

Лицо мистера Айсберга смотрело вверх через зеркало на Мартина и вздыхало. Тело вышло из туалета, за окном шел дождь. Оно подошло к выходу из здания, прозвенел звонок, приглашающий на обед. Тело Айсберга как раз проходило мимо толпы ребятишек. Голова говорила басом: «В сторону, голодные вы животные». «Настоящий хам, еще заденет кого, потом с меня будут спрашивать», — подумал Мартин. Перед дверью висел зонт. Взял. «Так он еще и вор», — подумал Мартин.

Тело открыло зонтик и пошло к реке, как будто ходило здесь каждый день. Всякий раз, как проезжала машина, он говорил в изумлении: «Ого!» Через какое-то время он говорил: «Мило», потом перестал обращать на автомобили внимание. Уже ничто его не смущало. Прохожих на улицах было немного, хоть это было время ланча.

— Куда ты тащишь меня? — спросил наконец копиист.

— Я хочу осмотреть этот город, хочу на Темзу, соскучился сильно.

— Ты хочешь утопить меня? — умоляющим голосом спросил бывший владелец тела.

— Запомни, не тебя, а нас. Умрешь ты, умру и я. Я в детстве как-то раз прыгнул, там кроме грязи ничего не было, тогда еще простудился — видишь, как разговариваю до сих пор? Нет, хочу встать на середину моста и поприветствовать мой город.

— Так кто ты и почему здесь?

— Я твой близкий родственник, капитан Генри Айсберг, пришел посмотреть на всех вас и восстановить справедливость, которая породила наш род. Тебе придется мне довериться.

Мартин повторял про себя: «Я сошел с ума, сошел с ума, боже, боже, за что?»

— Мне известно, что я сошел с ума, извольте покинуть немедленно мое тело и вернуться обратно в мое воображение!

— Я не в состоянии подчиниться твоему приказу. Во-первых, я старше тебя лет на сто точно, во-вторых, я существовал и существую, так что плодом фантазии я никак не могу являться, — просто делю

вместе с тобой, мой родной, одну и ту же оболочку из кожи.

— Так почему я?

— Ты самый близкий мне из ныне живущих, поэтому тебя и выбрал. И не забудь, не вздумай проболтаться кому-нибудь. В последнее время я делал ошибки, называл свое имя твоими устами, теперь такого не будет.

— Так как давно вы во мне?

— Задавай, пожалуйста, поменьше вопросов, целее будешь, — грозно сказал Генри, но после добавил: — Я появлялся всю последнюю неделю, если календарь у тебя дома стоит правильный, это третий раз.

— Так это вы в ту ночь были с Беки?

— Да, на твое тело в неряшливой одежде только такие покупаются. Так много пить пришлось! Как ни крути, а хороший костюм — всегда залог успеха.

— Что вы имеете в виду, костюм мне купить захотели?

— Пока тебе это знать не нужно, в свои планы я посвящаю только проверенных лиц. Ты пока на испытательном сроке. Провалишься — и я тебя отправлю на остров, где все это время дремал, не думаю, что тебе понравится, я буду спрашивать тебя.

— Хорошо, — ответил Мартин.

Его голосу он мог доверять, тембр был таким приятным, действительно внушал доверие.

Мартин был доволен: хоть что-то прояснилось. Теперь он знал, что с памятью у него, видимо, проблем нет, он почувствовал себя здоровым. Боль в сердце прошла, вина за измену была уже не так сильна — ведь это, получается, был не он, а его дальний родственник, просто он без спроса воспользовался его телом. Даже хорошо, что он вышел на улицу и выплеснул свои желания, а не сотворил то же самое с его любимой женой. Поразительно, что он не заметил ее, хотя в темноте сложно что-либо разглядеть. Пил тоже гость его тела, поэтому картина потихоньку вырисовывалась. Нужно было задать еще вопросы, но, с другой стороны, угрозы Генри о ссылке на некий остров сильно напугали его.

На секунду тело остановилось, задумалось.

— Первый вопрос: как пройти к реке? Если я поверну налево, смогу попасть на набережную?

— Да, — коротко протрубил Мартин, ему самому стало интересно, чем этот дальний родственник будет заниматься.

Хотелось выслужиться перед ним, войти в доверие, хотя все это еще выглядело ненормальным. Было очевидно: поход к доктору неизбежен, и чем скорее, тем лучше. Стратегия проста: заставить гостя доверять ему и поскорее наведаться в больницу.

Тело мистера Айсберга вышло на набережную и остановилось. Генри долго стоял, вдыхая воздух с Темзы, но в целом вел себя прилично. Мартин даже и не знал, что можно было управлять так элегантно своими мышцами и так ровно держать спину, даже при хромоте. Мистер Айсберг пошел вдоль набережной в сторону Биг-Бена, посматривая на проплывающие мимо речные такси.

— Ох, как быстро летит, прям парит над водой, — восторженно проговорил дальний родственник. Он посмотрел на флаг королевства и сказал, выдохнув: — Если Юнион Джек все еще на месте, значит, в этом мире нам еще есть чем заняться. Перед кем нам, родной Мартин, нужно преклонять колени?

— У нас сейчас королева Елизавета II, а откуда вы?

— Я с одного далекого острова, если мне еще что-то понадобится, я тебе расскажу. Если еще что-то спросишь, отправлю тебя на тот самый остров.

— Вы появляетесь, только когда начинается дождь? Просто я начал в последнее время чувствовать некую силу и терять память, это вы являетесь той силой?

— Что ж, несколько раз я появлялся, и всякий раз шел дождь. Не переживай о своей памяти, я не хотел тебя будить. Знаешь ли, давно не пил и не разговаривал с женщинами, лет этак сто, — посмеиваясь, сказал Генри.

— Ах, так это вы мне снились, вы терпели кораблекрушение, взяли с собой сундук с золотом.

— Золото это уже не найти, есть другой путь. Я бы тебе показал, но убедился, что ты слишком болтлив. До свидания.

Продолжение следует.